Ա 101/445

101
445
608

О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ЖИЗНИ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

ОЛЬГИ ѲЕОДОРОВНЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1891

101
445
III Ра
6076

О послѣднихъ дняхъ жизни

Ея Императорскаго Высочества

великой княгини

ОЛЬГИ ѲЕОДОРОВНЫ.

Ф. 31 – 25880.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
—
1891

2007110341

Состояніе здоровья Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны давно внушало серьёзныя опасенія. Неизлѣчимый порокъ сердца, возникшій лѣтъ пятнадцать тому назадъ, послѣ заболѣванія острымъ ревматизмомъ, обусловливалъ постоянную заботу и необходимость врачеванія для успокоенія дѣятельности сердца.

Возможно бо́льшее пользованіе теплымъ климатомъ и чистымъ воздухомъ, спокойная жизнь, отсутствіе внутреннихъ волненій—были безусловно необходимы для поддержанія надломленнаго организма.

Поэтому-то Великая Княгиня и проводила ежегодно по нѣсколько мѣсяцевъ на югѣ Россіи или въ средней Германіи, вдали отъ суеты, неизбѣжной при жизни въ столицѣ.

Въ концѣ ноября прошлаго года, при

возвращенія изъ Крыма, съ Ея Высочествомъ сдѣлался обморокъ, съ опасными явленіями въ дѣятельности сердца. Вслѣдствіе этого, забота о необходимости спокойствія значительно возросла. Великая Княгиня въ теченіи минувшей зимы не присутствовала ни на одномъ балѣ, ни на одномъ выходѣ во Дворцѣ. Эти же причины обусловили въ этомъ году отъѣздъ Ея Высочества ранѣе обыкновеннаго на югъ, въ имѣніе «Ай-Тодоръ», близъ Ялты. Тому же содѣйствовало и еще одно весьма важное обстоятельство.

Въ воскресенье, 24-го марта, изъ-за границы пришла вѣсть, что Великій Князь Михаилъ Михаиловичъ обвѣнчался, безъ разрѣшенія Государя Императора и безъ родительскаго благословенія. Этимъ извѣстіемъ, въ связи съ ожиданіемъ кары, которая не могла не послѣдовать, былъ внезапно нанесенъ жестокій ударъ больному сердцу и высокому семейному самолюбію Ея Высочества. Великая Княгиня не могла болѣе найти покоя. Многочисленныя свѣтскія соболѣзнованія не могли конечно содѣйствовать покою. Оставалось одно—уѣхать.

Отъѣздъ изъ Петербурга, первоначально назначенный на среду, 27-го марта, былъ ускоренъ и состоялся во вторникъ, въ 11 ч. 45 м. пополудни.

Первый день путешествія былъ проведенъ Ея Высочествомъ въ весьма бодромъ настроеніи. Послѣ волненій столичной жизни, оставлявшей всегда, подъ конецъ зимняго сезона, нѣкоторое утомленіе, Ея Высочество почувствовала Себя какъ-то особенно хорошо и спокойно.

Движеніе вдаль отъ непривѣтливой сѣверной природы къ югу, къ солнцу, къ морю и къ весеннему разцвѣту южной полосы Крыма,—ко всему, что такъ любила Великая Княгиня, радостно воодушевляло Ея Высочество, и всѣ окружавшія Ее лица не могли не замѣтить въ Ней особенно повышеннаго настроенія духа.

Хотя съ утра среды, 27 марта, Великая Княгиня жаловалась на нѣкоторую боль въ шеѣ и горлѣ, но въ общемъ состояніи здоровья Ея Высочества не было замѣтно ничего неблагопріятнаго. Ея Высочество изволила пить чай, съ аппетитомъ завтракать и обѣдать въ вагонѣ-столовой и, какъ сказано, весь день находилась въ веселомъ расположеніи духа.

Конечно, не одна мысль о благодатной природѣ юга такъ воодушевляла Великую Княгиню. Къ первому мая предполагалось возвращеніе изъ Индіи въ Севастополь на яхтѣ «Тамара» Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей Александра и Сергія Михаиловичей, съ которыми Ея

Высочество грустно разсталась въ севастопольскомъ портѣ прошлою осенью.

Темнымъ октябрьскимъ вечеромъ, послѣ трогательнаго разставанія на пароходѣ русскаго общества пароходства и торговли «Князь Потемкинъ», на которомъ Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна, возвратившись изъ заграничнаго путешествія, прибыли, за два дня передъ тѣмъ, изъ Одессы, яхта «Тамара» тихо отошла въ дальнее плаваніе, готовившее молодымъ Великимъ Князьямъ много интересныхъ и радостныхъ впечатлѣній. На пароходѣ «Князь Потемкинъ» остались горевавшіе Родители Ихъ Высочествъ, долго слѣдившіе за удалявшимися огнями «Тамары», пока яхта не скрылась въ ночной темнотѣ.

Во все время путешествія горячо любимыхъ Сыновей Своихъ, Великая Княгиня тревожно слѣдила по картѣ путь яхты «Тамара» и радовалась при полученіи пространныхъ писемъ, мысленно принимая участіе въ сопровождавшихъ путешествіе Ихъ Высочествъ празднествахъ, опасныхъ охотахъ на слоновъ и тигровъ, интересныхъ мѣстныхъ экскурсіяхъ въ южной Индіи, на Цейлонѣ и Зондскихъ островахъ.

День свиданія приближался, и это-то радостное ожиданіе заставляло трепетать

сердце Великой Княгини при направленіи къ желанному югу.

Но судьба готовила иное..... Ночь съ среды на четвергъ была проведена Ея Высочествомъ тревожно, почти безъ сна, а къ утру оказалось повышеніе температуры до 38,8, при неровномъ пульсѣ—110 ударовъ въ минуту. Голосъ почти совсѣмъ пропалъ, глотаніе было очень затруднено. Ея Высочество жаловалась на значительную боль въ шейныхъ мускулахъ и въ горлѣ. Вслѣдствіе всего этого, а также по отсутствію аппетита, Великая Княгиня не кушала утренняго чая и не завтракала.

Хотя врачемъ Никитинымъ, состоящимъ при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ въ продолженіи 34 лѣтъ, еще ночью были приняты всѣ мѣры, указываемыя медицинскою практикою и неоднократно оказывавшіяся достаточными при прежнихъ заболѣваніяхъ Ея Высочества, но, въ виду близости Харькова, Ея Высочеству было предложено остановиться тамъ для вызова одного изъ извѣстныхъ харьковскихъ докторовъ. Великой Княгинѣ, однако, не угодно было согласиться на это, и поѣздъ двигался безостановочно.

Однако, озабоченный продолжающимися симптомами неправильной дѣятельности сердца, г. Никитинъ передалъ лицамъ

свиты, сопровождавшимъ Ея Высочество, о своихъ опасеніяхъ и о желательности консультаціи, вслѣдствіе чего вскорѣ было рѣшено вернуться въ Харьковъ, не докладывая о томъ Великой Княгинѣ, чтобы не испугать Ея Высочество.

Въ купэ, занимаемомъ Великой Княгиней, были опущены сторы, чтобы Ея Высочество не могла замѣтить по внѣшнимъ предметамъ обратнаго движенія поѣзда, который и тронулся назадъ въ 4¼ час. пополудни (по петербургскому времени) со станціи Алексѣевка, откуда телеграфировано въ Харьковъ для вызова на вокзалъ профессора университета, доктора Оболенскаго, а также въ Петербургъ Августѣйшему Супругу Ея Высочества.

Во время обратнаго хода поѣзда, Великая Княгиня постепенно была подготовляема къ мысли о консультаціи и къ возвращенію въ Харьковъ, рѣшенному отвѣтственными лицами свиты, безъ доклада о томъ Ея Высочеству. Великая Княгиня приняла это сообщеніе ласково и, когда было доложено о близости Харькова и затѣмъ о прибытіи доктора Оболенскаго, тотчасъ согласилась принять его.

По изслѣдованію, произведенному профессоромъ Оболенскимъ около 8 час. вечера, оказалось слѣдующее: температура 38,8, пульсъ 106 ударовъ въ минуту, ров-

ный, достаточно полный, безъ перебоевъ; дыханіе ровное, покойное; миндалевидныя желёзы и язычекъ опухли, безъ налетовъ, слизистая оболочка глотки красна, слегка отечна. При ларингоскопическомъ изслѣдованіи, въ высшей степени затруднительномъ, вслѣдствіе невозможности сполна открыть ротъ и сильной чувствительности зѣва, удалось обнаружить красноту голосовыхъ связокъ и легкую ихъ отечность. Ея Высочество говорила шепотомъ, глотаніе было крайне болѣзненно. Шейныя мышцы оказывались болѣзненными при легкомъ надавливаніи. Сердце увеличено въ поперечномъ направленіи. Общее состояніе Ея Высочества, въ данную минуту, исключая дѣятельности сердца, найдено удовлетворительнымъ. Слабость обусловливалась, по мнѣнію профессора Оболенскаго, повышенною температурою и тѣмъ, что Ея Высочество не принимала пищи, вслѣдствіе упомянутой болѣзненности глотки и глотательныхъ мышцъ.

О результатахъ изслѣдованія немедленно было телеграфировано Великому Князю Михаилу Николаевичу.

На случай осуществленія предположенной профессоромъ Оболенскимъ возможности продолжать путь, если послѣдуетъ на слѣдующій день улучшеніе, тотчасъ были приняты всѣ мѣры: или для остановки

на нѣсколько дней въ Симферополѣ, въ губернаторскомъ домѣ, или для перемѣщенія Ея Высочества изъ вагона на одно изъ судовъ въ севастопольскомъ портѣ, для ожиданія тамъ, въ болѣе просторномъ и удобномъ помѣщеніи, полнаго выздоровленія.

При данныхъ обстоятельствахъ не было повода ни возвращаться въ Петербургъ, о чемъ Великая Княгиня не хотѣла и слышать, ни перемѣнять вагонъ на какое-либо иное помѣщеніе, какъ-то: Царскія комнаты на вокзалѣ или же губернаторскій домъ, весьма отдаленный отъ станціи. При описанномъ состояніи горла, всякое перемѣщеніе Ея Высочества изъ вагона, при стоявшей въ Харьковѣ свѣжей погодѣ и сильномъ вѣтрѣ, было бы совершенно неблагоразумно.

Казалось, что пребываніе больной Великой Княгини въ вагонѣ, поставленномъ на запасный путь, могло быть сопряжено съ безпокойствомъ для Ея Высочества. Но въ высшей степени внимательное желѣзнодорожное начальство распорядилось устраненіемъ, по возможности, всякаго шума. Ни паровозы, ни мастерскія не давали обычныхъ свистковъ; на станціи были запрещены выкрикиванія поѣздовъ и звонки; поѣзды и маневрирующіе паровозы двигались почти безъ шума. Полицейскіе и жан-

дармскіе офицеры и нижніе чины, съ перваго же дня назначенные, по распоряженію харьковскаго губернатора, на дежурство, самымъ предупредительнымъ образомъ озаботились о полномъ спокойствіи кругомъ поѣзда Ея Высочества и поддерживали это спокойствіе во все время.

При изслѣдованіи Ея Высочества утромъ 29-го марта, профессоромъ Оболенскимъ найдены: температура 38,8, пульсъ 100. Краснота глотки, миндалевидныхъ желёзъ и язычка оказались меньше, равно какъ уменьшилось отечное состояніе, болѣзненность глотательныхъ и шейныхъ мышцъ; осложненій не замѣчено. Ея Высочество изволила утромъ скушать немного хлѣба съ молокомъ. Великая Княгиня продолжала чувствовать слабость, но общее состояніе найдено удовлетворительнымъ, а голосъ возстановляющимся.

Послѣ этого изслѣдованія, о которомъ тотчасъ же телеграфировано въ Петербургъ, всѣ лица, окружавшія Великую Княгиню были въ правѣ заключить, что болѣзнь идетъ къ улучшенію.

Весь день 29-го марта проведенъ Ея Высочествомъ сравнительно спокойно. Вечерней консультаціи ожидали съ петерпѣніемъ, такъ какъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ о продолженіи пути на югъ.

Но къ вечеру температура снова нача-

ла подниматься и достигла къ 9 часамъ до 39,4. Изслѣдованіе, вновь произведенное профессоромъ Оболенскимъ, не указало никакихъ осложненій. Пульсъ, 104 въ минуту, найденъ правильнымъ, ровнымъ, достаточно полнымъ, безъ перебоевъ. Горловой процессъ въ общемъ не ухудшился, хотя задняя лѣвая дужка въ сводѣ зѣва найдена нѣсколько краснѣе и отечнѣе; глотаніе стало свободнѣе и голосъ яснѣе. Самочувствіе было такое же, какъ и утромъ. Ея Высочество скушала немного желе и бульону. Ночь проведена Ея Высочествомъ довольно покойно.

На слѣдующее утро, 30-го марта, измѣреніе показало пониженіе температуры до 37,6; появилась испарина; пульсъ былъ слабъ, съ перебоями, и трудно сосчитывался. Послѣ пріема возбуждающихъ, пульсъ сталъ правильнѣе и полнѣе. Слизистая оболочка миндалевидныхъ желёзъ, глотки и язычка оказались менѣе красными, глотаніе почти свободно; голосъ яснѣе, чѣмъ наканунѣ; болѣзненность глотательныхъ и шейныхъ мышцъ незначительна. Осложненія со стороны легкихъ не замѣчалось. Ея Высочество изволила скушать немного молока, чая и вина.

По мнѣнію профессора Оболенскаго, ослабленіе сердца совпадало съ паденіемъ температуры на 1,8 и обильной испариной.

Послѣ утренняго изслѣдованія, около полудня, Ея Высочество начала жаловаться на нѣкоторую болѣзненность въ области нижней части праваго легкаго, со стороны груди и спины.

Въ виду этого новаго симптома и продолжавшейся слабой дѣятельности сердца, были приглашены на консиліумъ: профессоры Оболенскій и Грубе и почетный членъ харьковскаго университета, докторъ Франковскій.

До прибытія этихъ лицъ, противъ описанныхъ симптомовъ были примѣнены разныя отвлекающія средства, какъ-то: согрѣвающіе компрессы, ледъ и сухія кровососныя банки.

Профессоръ Грубе, изслѣдовавъ Августѣйшую больную, не замѣтилъ никакихъ измѣненій въ органахъ дыханія и въ самомъ дыханіи. Профессоры Грубе и Оболенскій, по совѣщаніи съ докторомъ Франковскимъ, постановили продолжать средства, возбуждающія дѣятельность сердца, что́ около 3-хъ часовъ пополудни и привело къ нѣкоторой его устойчивости.

Такъ какъ и на этотъ разъ не найдено никакихъ осложненій, то не терялась еще надежда на возможность продолженія пути въ Севастополь, гдѣ къ этому времени, заботливостью мѣстнаго градоначальника, контръ-адмирала Лаврова, и

распоряженіемъ главнаго командира николаевскаго порта, былъ приготовленъ пароходъ добровольнаго флота «Россія», на которомъ больная Великая Княгиня могла найти несравненно болѣе удобствъ, простора и воздуха.

До утра субботы, внутри вагона поддерживалась умѣренная температура и воздухъ постоянно освѣжался и обезвреживался разными дезинфецирующими средствами. Ея Высочество вовсе не жаловалась на духоту и чувствовала себя очень спокойно въ обширномъ купэ, занимавшемъ середину спальнаго вагона николаевской желѣзной дороги, въ которомъ Великая Княгиня привыкла путешествовать. Но въ субботу съ утра стояла теплая погода и солнце значительно нагрѣло стѣнки вагона. Вслѣдствіе ощущаемой боли въ грудной полости, дыханіе сдѣлалось нѣсколько затруднепнымъ, и Ея Высочество начала жаловаться на духоту.

Вслѣдствіе этого, при уяснившейся въ теченіи дня невозможности продолжать путь, а также въ виду исчезнувшихъ горловыхъ симптомовъ, рѣшено было въ отсутствіи докторовъ-консультантовъ, перемѣстить Ея Высочество въ Царскія комнаты на вокзалѣ, освѣженныя, дезинфецированныя и прибранныя съ этою цѣлью. Это перемѣщеніе, при стоявшей теплой

погодѣ, не представлялось рискованнымъ и вызывалось необходимостью доставить Августѣйшей больной болѣе простора и воздуха.

Когда стулъ, на которомъ предполагалось вынести Ея Высочество изъ вагона, былъ поставленъ въ купэ, Великая Княгиня проявила гораздо больше энергіи и силы, чѣмъ можно было ожидать. Окружающимъ не стоило большихъ усилій, чтобы посадить Ея Высочество. Она Сама давала указанія и изволила шутить при окутываніи пледами ногъ и при переносѣ по коррядору вагона и черезъ платформу, у которой вагонъ былъ остановленъ противъ дверей Царскихъ комнатъ.

Тотчасъ вслѣдъ за помѣщеніемъ Ея Высочества въ просторной гостиной, прибывшіе къ этому времени доктора изслѣдовали Ее, причемъ впервые выслушиваніемъ было опредѣлено плевритическое треніе отъ правой мамилярной линіи до задней скапулярной, въ области нижнихъ реберъ вверхъ до седьмаго ребра. Пульсъ былъ 90, достаточно полный, температура 38,8. Дыханіе ускорено, 46 въ минуту, но поверхностное глотаніе свободно; голосъ ясный, но слабый. Весь этотъ день Ея Высочество кушала только немного молока, бульона и вина.

Въ теченіи всѣхъ трехъ дней болѣзни Великая Княгиня проявляла удивительное

нравственное спокойствіе, не выражала ни разу жалобы на условія, при которыхъ застала Ее болѣзнь, принимала всѣ распоряженія, дѣлаемыя окружающими, съ величайшею кротостью, и, не будучи въ состояніи благодарить словами, выражала признательность за попеченія ласковой улыбкой.

Даже въ роковую субботу, когда, приблизительно съ полудня, Ея Высочество начала жаловаться на боль въ правомъ боку и на затруднительность дыханія, когда ощущалось колотье, вызывавшее частые стоны, Великая Княгиня проявляла то же спокойствіе духа и, казалось, сдерживала Себя, чтобы не возбуждать опасеній въ окружавшихъ Ее, съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдившихъ за малѣйшими проявленіями болѣзни.

Никто не узнаетъ, однако, сколько тяжелыхъ думъ пробѣжало въ эти безсонныя ночи и дремотные дни въ мысляхъ Ея Высочества.

Великая Княгиня провела ночь съ субботы на воскресенье безпокойно и, по временамъ, бредила.

Въ воскресенье, 31-го марта, утреннее изслѣдованіе показало: температура 39,1, пульсъ отъ 76 до 88, съ перебоями, слабый; дыханіе ускоренное и поверхностное. Выслушиваніе груди обнаруживало шумъ трепія справа, замѣчалось ослабленіе ды-

ханія сзади, въ правой нижней долѣ легкаго. Всѣ принятыя врачами мѣры, очевидно, не помогали, и дѣятельность сердца быстро падала, вслѣдствіе работы черезъ силу.

Изъ Петербурга получено было еще наканунѣ вечеромъ извѣстіе о выѣздѣ съ курьерскимъ поѣздомъ Великаго Князя Николая Михаиловича, а утромъ въ воскресенье—о выѣздѣ, въ то же утро, и Великихъ Князей Михаила Николаевича и Георгія Михаиловича, въ сопровожденіи доктора Бертенсона. Больная Великая Княгиня выражала за послѣдніе дни сожалѣніе объ отсутствіи доктора Бертенсона, пользовавшаго Ея Высочество по кончинѣ С. П. Боткина.

Было, слѣдовательно, существенно важно сколь возможно поддержать дѣятельность сердца, хотя бы до пріѣзда старшаго Сына Ея Высочества, ожидавшагося въ понедѣльникъ, къ 6 часамъ утра; къ этой цѣли и были направлены всѣ мѣры пользовавшихъ Ея Высочество докторовъ.

Въ воскресенье, почти во весь день, Ея Высочество, повидимому, не сознавала трудности Своего положенія.

Издавна зная Свою болѣзнь, Великая Княгиня жила, какъ сказано, очень осторожно, разумно слѣдуя указаніямъ докторовъ, изъ которыхъ еще покойный С. П. Бот-

кинъ, въ особенности запрещалъ Ея Высочеству всякое утомленіе и предостерегалъ отъ всякой простуды и нервныхъ потрясеній. Поэтому, при малѣйшей простудѣ, вызывавшей нѣкоторое недомоганіе, Великая Княгиня немедленно принимала мѣры къ успокоенію сердца и берегла Себя отъ всякихъ волненій.

Въ настоящемъ случаѣ, съ перваго же дня, когда заболѣваніе выразилось опухолью горла, до воскресенья, Ея Высочество видимо старалась удалять отъ Себя все, что могло нарушать покой и неблагопріятно отозваться на теченіи болѣзни. Когда окружавшія Ея Высочество лица оставались нѣсколько времени у Ея постели, Великая Княгиня ласково давала понять имъ, что желаетъ уединенія и полной тишины.

Почью съ субботы на воскресенье, Ея Высочество лежала все время на лѣвомъ боку и приподнимала голову съ подушки только для принятія лѣкарства, почти ничего не говорила, и только нѣсколько разъ повторяла: «comme le pauvre Grand Duc doit s'inquiéter» *). Забота о томъ, чтобы не напугать Своего Августѣйшаго Супруга, выказалась еще въ субботу утромъ въ телеграммѣ, продиктованной Ея Высоче-

*) «Какъ долженъ безпокоиться бѣдный Великій Князь».

ствомъ, въ которой Великая Княгиня выражалась: «je vais un peu mieux» *).

Около 3-хъ часовъ пополудни, начался почти непрерывный бредъ, причемъ отрывочныя выраженія относились преимущественно до предмета нервнаго потрясенія, испытаннаго въ Петербургѣ за два дня до отъѣзда.

Послѣ вторичнаго совѣщанія докторовъ, около 6-ти часовъ пополудни, всякая надежда была потеряна.

Дѣятельность сердца продолжали поддерживать подкожными впрыскиваніями камфары и эфира. Пробовали давать внутрь растворъ мускуса въ шампанскомъ, но это было оставлено, такъ какъ видимо было непріятно Ея Высочеству. Жажда утолялась кусочками льда, который Великая Княгиня проглатывала особенно охотно.

Около восьми часовъ вечера наступило безсознательное состояніе, появился холодный потъ, дыханіе становилось все чаще, упадокъ дѣятельности сердца указывалъ на приближеніе роковаго исхода.

Доктора, посѣтившіе Ея Высочество около 9 часовъ, могли только констатировать, что всѣ средства, находившіяся въ ихъ распоряженіи, истощены. Призванный соборный протоіерей Павловъ тихо напут-

*) «Мнѣ немного лучше».

ствовалъ молитвою умиравшую Великую Княгиню.

Въ 11 час. 45 минутъ, дыханіе вдругъ начало быстро падать, появился едва слышный хрипъ и въ 11 час. 50 минутъ, по петербургскому времени, Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна тихо почила.

Тѣ, кто не присутствовалъ при послѣднихъ часахъ жизни Ея Высочества, тихо угасавшей на перепутьи въ этихъ Царскихъ комнатахъ, вдали отъ Царственной Родни; кто не видѣлъ потухающаго взгляда, поминутно останавливавшагося на холодѣвшихъ конечностяхъ пальцевъ, торопливаго перебиранія постельнаго покрывала,—всѣхъ этихъ роковыхъ предвѣстниковъ близкаго конца; кто не прислушивался, съ замираніемъ сердца, къ ускоренному и прерывистому дыханію; кто не былъ свидѣтелемъ того неуловимаго мгновенія, гдѣ видимо кончавшаяся жизнь таинственно сливалась съ началомъ смерти и вѣчности,—тѣ не узнаютъ никогда, что̀ перенесли въ эти минуты всѣ окружавшіе любимую Великую Княгиню.

При кончинѣ Ея Высочества присутствовали: врачъ Никитинъ, фрейлина Озерова, въ должности гофмейстера Мухановъ, камеръ-юнгфера Орловская, камердинеръ Бѣлинъ и горничная Руднева.

Когда прочимъ слугамъ, ожидавшимъ

въ сосѣдней комнатѣ, было объявлено о кончинѣ Великой Княгини, всѣ они зарыдали, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. Царскія комнаты, вѣроятно, впервые были свидѣтелями столькихъ умилительныхъ слезъ и такого общаго, глубокаго горя.

О кончинѣ Ея Императорскаго Высочества было тотчасъ донесено въ Гатчину Государю Императору, а Великому Князю Георгію Михаиловичу, для передачи Августѣйшему Родителю, телеграфировано въ мѣсто нахожденія экстреннаго поѣзда около Тулы; одновременно извѣщенъ Великій Князь Николай Михаиловичъ, экстренный поѣздъ котораго вышелъ въ это время изъ Курска.

Телеграмма, адресованная Великому Князю Георгію Михаиловичу, не поспѣла достаточно во-время, и Онъ не могъ приготовить Отца къ роковой вѣсти, которую Августѣйшій Супругъ Усопшей узналъ непосредственно изъ телеграммы Его Императорскаго Величества.

Богъ да поможетъ Великому Князю перенести до конца ниспосланное ужасное испытаніе съ твердостью и теплою вѣрою въ великое таинство Воскресенія, двери къ коему отверзаются!

19-го апрѣля 1891 года.
Великая пятница.

Изъ № 88 «Правительств. Вѣстника» 1891 года.

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.